

Истоки становления исторической социологии: методология исследования сибирских социологов национально-регионального процесса развития России

Origins of the Formation of Historical Sociology: the Methodology of the Study of Siberian Social Scientists of National and Regional Development of Russia

Получено 12.03.2016 Одобрено 20.03.2016 Опубликовано 25.03.2016

УДК 316 (075.8)

ИНГОВАТОВ ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ

д-р философ. наук, профессор, заведующий
кафедрой философии и социологии Алтайского
государственного технического университета
им. И.И. Ползунова
E-mail: ingvlad@mail.ru

INGOVATOV VY

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair
of Philosophy and Sociology Polzunov Altay State
Technical University
E-mail: ingvlad@mail.ru

МЕЛЁХИН ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ

канд. социол. наук, доцент кафедры философии
и социологии Алтайского государственного
технического университета им. И.И. Ползунова
E-mail: m_kolokolcev@mail.ru

MELYOKHIN VA

PhD in Sociology, Associate Professor, Chair of
Philosophy and Sociology Polzunov Altay State
Technical University
E-mail: m_kolokolcev@mail.ru

КОЛОКОЛЬЦЕВ МАКСИМ ГЕННАДЬЕВИЧ

канд. ист. наук, доцент кафедры философии
и социологии Алтайского государственного
технического университета им. И.И. Ползунова
E-mail: m_kolokolcev@mail.ru

KOLOKOL'TSEV MG

PhD in History, Associate Professor, Chair of
Philosophy and Sociology Polzunov Altay State
Technical University
E-mail: m_kolokolcev@mail.ru

Аннотация

Актуальность. Статья посвящена исследованию процесса оформления исторической социологии как науки и возможностям междисциплинарного анализа социального процесса.

Предмет. Статья раскрывает этапы развития исторической социологии как научной отрасли знания в России, которая может стать методологической основой исследования национально-регионального процесса развития российского общества. Авторы статьи изучают особенности познания русскими учёными социальных проблем развития национального общественного процесса России, изучая специфику становления российского научного знания.

Abstract

Relevance. The article is devoted to the study of the process of formation of historical sociology as a science and opportunities for interdisciplinary analysis of social process.

Subject. The authors reveal the stages of development of historical sociology as a scientific branch of knowledge in Russia which may become a methodological basis of the study of national and regional development of the Russian society. They study characteristics of knowledge of Russian scientists concerning social problems of development of national public process of Russia and the specificity of formation of the Russian scientific knowledge.

Целевая установка. Исследователи определяют специфику исторической социологии как научной отрасли знания, категориальный аппарат которой способствует изучению исторической перспективы трансформации российского общества.

Ключевые слова:

историческая социология, философия истории, историография, социальная философия, трансформация, методология, национально-региональный процесс, социальный процесс, исторический процесс, народничество, почвенничество, социальные науки.

Современный постмодернистский этап развития российского общества характеризуется усложнением социальной структуры, увеличением противоречий в социальных отношениях и отсутствием системы идей разрешения назревших социальных проблем, что порождает необходимость выработки и оформления новых моделей социальных изменений. Научные идеи, возникающие и формулирующиеся на междисциплинарном уровне, позволяют разрешить актуальные задачи трансформации современного российского общества. Историческая социология, изучая закономерности и специфику становления социальных систем, позволяет понять и определить дальнейшие направления социальных изменений. Историческая социология обеспечивает методами функционально-структурных законов единство анализа прошлого, настоящего и будущего, путем включения исторического прошлого в анализ исследуемого социологом объекта. Принцип историзма рассматривает явление в его возникновении, развитии, изменении в связи с другими явлениями и условиями данной эпохи и в связи с конкретным опытом истории, который позволяет установить не только непосредственные, но и отдаленные последствия изучаемого события или явления.

Один из родоначальников социологии О. Конт понимал общество как развивающееся, а не статическое образование. Социо-

Task Setting. Researchers define the specificity of historical sociology as a scientific branch of knowledge, categorical framework of which promotes the study of historical perspectives of the transformation of Russian society.

Keywords:

historical sociology, philosophy of history, historiography, social philosophy, transformation, methodology, national-regional process, a social process, a historical process, populism, pochvennichestvo, social sciences

логия исследует динамику социального времени. Социолог Э. Гидденс изучал прошлое, так как социология, в его понимании, эта наука о современном этапе развития общества, который охватывает последние 200 лет. «Возможность в одно и то же время судить историческое явление на основании прошедшего и чаемого будущего, считает К.Д. Кавелин, расширяет круг зрения, рождает многосторонний взгляд на предмет, освобождает от исключительности, легко переходящей в ограниченность» [Кавелин К.Д., 1999, 13, с. 69].

Социологи в России на первом этапе становления социальной науки искали социальный идеал, модель, идеальный образ будущего общества, основанный на исторических законах социального развития России. Историко-социологические исследования первоначально проводились в России. Проектирование и конструирование развития общества, противостоящие авторитарной политике государства, стали задачей оформляющейся социальной науки. Позволяет конструировать социальную реальность категория вероятности на основе культуры, социально-исторических инстинктов, менталитете человека и общества. Культура как накопитель изменений, концептуально определил П.А. Сорокин и его ученик Т. Парсонс, меняет действие самих индивидов.

Целями и задачами исследователей стали попытки прогнозировать будущее России,

подвергая анализу дискуссию славянофилов, западников, почвенников, народников и евразийцев. Социологи видели цель научных исследований в изучении своеобразия развития и формирования социальных отношений в российском обществе. Н. Кареев выделил несколько задач в изучении истории: «...задача социологическая, заключающаяся в изучении “движения человеческого общества” вообще, потом задача частно-историческая в исследовании того, “какие силы возникали и работали” внутри отдельных народов, и, наконец, всемирно-историческая, историко-философская по преимуществу, в изображении общего хода истории человечества, постепенно объединяющего и прогрессирующего».

В середине XIX века возникла необходимость в целом осмыслить исторический общественный процесс, в поиске взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. После реформ 60-х годов XIX века в России повсеместно распространились идеи О. Конта о необходимости создания социологии как «естественной науки о человечестве», которая могла бы способствовать рациональной организации общества. В 1862 году о неудовлетворительном состоянии общественного знания пишет русский социолог Н.А. Серно-Соловьевич, сетуя на то, что отсутствует наука об обществе: «...Нет науки, которая изучала бы современный организм живущих обществ в такой полноте, в какой мы можем узнать его у отживших обществ, изучая теорию. Множество наук знакомит нас с его различными частями, но его общий вид остается вне исследования. Удивительно ли, что истории не удастся восстановить его вполне за прежние время? Может ли быть вполне плодотворно изучение частей, когда целое остается неизвестным? ... Нынешнее развитие знаний требует новой науки, науки об обществе (социологии)» [Серно-Соловьевич Н.А., 1991, 20, с. 188].

Историческая наука привнесла в формирование социологии эмпирический (опытно-индуктивный) метод, который связан с

объяснением фактологического материала, внешне наблюдаемого и количественно фиксируемого, при анализе исторических источников, предполагающих обработку с помощью математического аппарата. Российский учёный Г.Н. Теплов пришел к этому выводу ещё в середине XVIII в.: «В познании историческом, как мы прежде сказали, надобно великого примеров повторения и долголетнего, дабы о вещи какой удостовериться. Начала самые надлежит брать из опытов, что мы прежде уже называли историческим познанием. А для совершенного доказательства математика служить должна. ...Историческое философии познание чем тверже, тем больше оно можно употреблять в жизни человеческой» [Теплов Г.Н., 2010, 22, С. 83. С. 98].

С ростом авторитета научного знания в области естествознания, с его ориентацией на опытно-математический метод, начинают меняться и социальные науки. Социальные изменения социологи понимали как естественный закономерный процесс по аналогии с природным организмом, к законам которого обществу необходимо вернуться. Историческая социология на своем начальном, «предобщесociологическом» этапе генезиса из философско-исторического знания, в общеметодологическом плане ориентировалась на органическую теорию развития. Наука должна быть «подчинена общему закону единства». Социологи-органицисты в России, например А.И. Стронин или П.Ф. Лилиенфельд, анализировали историческое развитие общества, проводя аналогии с биологическим организмом. Освобождаясь от методологического влияния рациональной (спекулятивной) философии, общественные науки сводили духовное и социальное к механико (физико) организмическим (физиологическим) основаниям. Е.В. де-Роберти писал, что “Надорганическое явление явление это состоит в своеобразном превращении органической множественности (род, племя) в надорганическое единство (община, государство), сопровождаемом обратным превращением органического един-

ства (эгоизм, паразитизм) в надорганическую множественность (альтруизм, кооперацию, солидарность) [де-Роберти Е.В., 1909, 8, 291]. Должен был произойти в результате социальных изменений, их научного исследования и политической воли человека и общества переход от традиционно-общинной системы к новой, модернизированной общине-корпорации-нации.

Историческая социология, беря свое начало в философии истории, поскольку ее содержание состоит в осмыслении понятия «история», должна была выработать логическую схему, объясняющую ход всемирной истории, её смысл и цель. Социолог изучает общественные явления, употребляя исторический метод утверждения факта и статистический метод сравнения его с другими фактами. Чтобы включить в разряд логических явлений сходства и различия, данные наблюдения и опыта, социолог должен прибегнуть к телеологическому методу, когда следствие превращается в повод, в стимул, в объяснительный мотив. Для рационального объяснения достаточным оказывается подвергнуть факты, события и явления целеисходной перестановки, построить их телеологически [де-Роберти Е.В., 1909, 9, 98]. Рассматривая человеческое общество как часть природы, философия истории стремится найти «естественные законы» истории, подвести исторический процесс под заимствованное из естествознания понятие причинности и в результате освободить историю от телеологических «чудес» и «откровений». Тем самым открывается возможность для раскрытия практического, прикладного потенциала социального познания и для использования эмпирических методов получения научного знания.

Развенчивая телеологизм теории прогресса, А. И. Герцен рассматривал последний не в качестве цели истории, а через свойство преемственного существования поколений. Цель каждого поколения оно само, и «смотреть на конец, а не на самое дело величайшая ошибка», заключает он [Герцен А.И., 1954, 2, с. 33].

В отличие от ориентированных на прошлое славянофилов А. И. Герцен был убежден в правоте настоящего, повседневности бытия человека. Русские мыслители во второй четверти XIX в. призывали к примирению с действительностью. Позже Н.А. Бердяев сделает вывод, что подобного рода консерватизм связывает прошлое, настоящее и будущее.

Разработка философских теорий истории дополнилась в начале XIX в. социологическими и историографическими работами О. Конта, Э. Дюркгейма, М. Вебера, К. Брейзига и т. д. Ко второй половине XIX века позитивистская историография стала вытеснять философию истории из методологии общественного познания. Историческое описание фактов встраивалось в формирующуюся методологию эмпирического статистического анализа, освобождаясь от схематизма классической философии истории Гердера, Кондорсе, Вольтера, представляя историю как причинно-следственную связь фактов. Реальным в истории оказывается все то, что может быть наблюдаемо, измерено, что связано непосредственно с представляемыми зависимостями. Социологическое познание логикой своего научного подхода стремится упорядочить аморфную конкретику исторической реальности. Позитивисты, утверждавшие возможность конструирования науки об обществе, для этой цели использовали историческое знание, которое, взаимодействуя с историческим анализом, стало начальным этапом формирования исторической социологии.

В 1840-е годы В. Н. Майков познакомил русское общество с неологизмом «социология», предлагая при этом заменить его понятием «социальная философия». Важнейшими задачами социологической науки Майков считал «строгий критический разбор социальных наук Запада, разрушение методологического феодализма частных социальных наук, объединение их достижений в общем научном синтезе в лице теоретической социологии, наконец, преодоление безжизненной абстрактности и субъективизма старой фи-

лософии истории на путях научной ориентации на практику» [Голосенко И.А., 1990, 5, с. 21]. Немного позже в российском обществе стал проводить эмпирические исследования, изучая жизнь и быт рабочего класса, социолог В.В. Берви-Флеровский. В русской общественной мысли заканчивалась эйфория по поводу всеобъемлющих объяснительных возможностей гегелевской философии. Должен был быть выработан новый метод реального познания общества.

В начальной стадии становления для исторической социологии была характерна апелляция одновременно и к представлению об уникальности исторических событий, и к представлению о законах, действующих в серии однотипных событий. Каждая историческая фаза, по мнению А.И. Герцена, имеет своеобразие реального момента в том, что «в непрерывном движении всего живого, в этих повсюдных переменах природа обновляется, живет, ими она вечно молода. Оттого каждый исторический миг полон, замкнут по-своему, как всякий год с весной и летом, с зимой и осенью, с бурями и хорошей погодой. Оттого каждый период нов, свеж, исполнен своих надежд, сам в себе носит свое благо и свою скорбь, настоящее принадлежит ему» [Герцен А.И., 1954, 4, с. 32-33]. Задача исторической науки состоит не в изучении событий повторяющихся, а в изучении событий уникальных. Именно из-за своей уникальности исторические события в принципе не могут объясняться общими законами. Таковые могут быть поняты на основе анализа достоверных фактов, реконструирующих причинные и функциональные связи, действующие в обществе, когда социология и встречается с историей, обобщая и анализируя эмпирическую информацию исторических источников.

Объектом исследования становится не исторический факт, не историческая реальность, а знание об этой реальности, исторические и историософские тексты, рассматриваемые в их отношении к действительности. «С одной стороны философия истории, пред-

начертанная еще за сто лет Неаполитанцем Вико, но развитая впоследствии с большим блеском Гердером, подпертая авторитетом философской школы Шеллинга, нанесла удар риторической школе истории, открыв поле, так называемым «высшим взглядам» на жизнь и судьбы человечества; с другой стороны, критика, возмужалая и более отважная, обогащенная средствами, развязавшись в ручных, механических приемах, меньше начала стесняться буквою преданий и больше обратилась к самым фактам», рассуждал Надеждин. Историческая эпистемология занимается поиском законов и закономерностей развития общества, с целью ответить на вопросы о возможности развития природы. Синтез философско-исторического и историографического анализа развития прошлых общественных систем привел к возникновению анализа общественной жизни. Соединение предмета и методов исследования историографии и социологии на этапе, предшествующем становлению общесоциологического знания, породил историческую социологию, отразившую общую тенденцию интеграции научного знания.

Применение различных научно-исследовательских методов разных наук привело к образованию новой научной отрасли. Социолог П. Н. Ткачев пришел в свое время к выводу: «... изгнание схоластических методов из умозрительных наук и применение к ним индуктивных методов естествознания, обобщая метод различных наук, тем самым обобщает и различные отрасли умственной, научной деятельности» [Ткачев П. Н., 1990, 23, с. 58, 63, 68]. Е. В. де-Роберти писал, что разделение наук на формальные и материальные объясняются чисто методологическими соображениями. Отрасли знания, которые прибегают преимущественно к дедуктивному методу, именно вследствие этого и представляются нам формальными. Наоборот, чем более наука является индуктивной, тем более она кажется нам материальной». Е. В. де Роберти называл индуктивный метод в социологии историческим.

Одной из задач оформляющейся новой науки социологии была классификация и типологизация накопленного исторического опыта. Историческая социология генетически восходит к трудам представителей философии истории XVIII века, которые стремились исследовать законы социального развития на конкретно-историческом материале (Д. Вико, Ш. Монтескье, Ф. Вольтер, И. Гердер и др.). На рубеже XVIII–XIX веков проблемами изучения истории российского государства и общества занимались В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, А.И. Радищев, Я.А. Новиков, Н. М. Карамзин, А.С. Пушкин, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский.

Русская социально-историческая наука разрабатывалась преимущественно на европоцентристском понимании органичности исторического процесса, причинно детерминированного, а не фатального, провиденциального или телеологического. При этом, историки и социологи, например К. Д. Кавелин, признавали, что «наши теории 1840-х гг. исходили из общих начал, взятых извне, из идеалистической немецкой философии или из фактов западно-европейской или общественной жизни. Поэтому они были оторваны от почвы, были слишком априористичны для русской жизни» [Коршунов А.М., 1988, 17, с. 629, 633]. Генезис идей российских мыслителей оценивается с позиций европейской социальной истории. Развитие российской социальной мысли не включено в анализ мировой истории социальных теорий. В свою очередь социолог Е.В. де-Роберти призвал: «мы должны определить знание как функцию коллективного опыта» [Де-Роберти Е.В., 1909, 10, с. 98].

Во второй половине XVIII века в России просветительское направление выдвинуло объективные критерии и принципы обоснования множественности научных дисциплин. Историки обращают главным образом внимание на критерии социального развития, несущие признаки интеграции общественности. Обозначилась тогда идеологическая оппозиция самодержавию справа (Щербатов)

и слева (Козельский, Десницкий, Новиков, Радищев), подкрепленная соответствующими теориями, включая исторические интерпретации социальной жизни, обозначившие становление исторической социологии в эпоху петровских реформ и становления дворянской монархии. Исследователями была поставлена задача найти путь развития к справедливому обществу. А. И. Радищев призвал радикально преобразовать общество с тем, чтобы восторжествовал естественный порядок, который возможен на «сходственности аналогии...», если должно верить, то вероятно, что будущее положение человека..., будущая организация проистекает будет из нашего нынешнего, как-то сия проистекает из прежних организаций» [Радлов Э.Л., 1991, 19, с. 396]. Временная компонента, присутствующая в мысли Радищева, показывает наличие элементов исторической социологии в философско-историческом наследии предшественников социологии. XVIII век заложил основы общественной мысли России.

Д.С. Аничков, Я.П. Козельский, С.Е. Десницкий критически рассмотрели социальные изменения российского общества, вычленив его структурообразующие элементы. С.Е. Десницкий считал, что общество, подобно природе, постоянно изменяется и это происходит путем восхождения человечества от низших и примитивных форм общежития к более высоким и сложным. Закономерное развитие собственности, которая определяется количеством затраченного труда на производства продукта, представляется критерием развития общественных отношений. Хозяйственную жизнь людей он считал основой изменений в истории, которую делил на четыре периода: первобытное состояние народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами, самозарождающимися на земле; состояние народов, занимающихся скотоводством и «пастушеством»; период «хлебопашества»; коммерческое состояние. Именно «по оным четверояким народов состояниям мы должны выводить их историю, правление, законы

и обычаи и измерять их различные преуспеяния в науках и художествах» [Избранные произведения, 1952, 12, с. 271].

Значительное место просветители уделяли проблеме человека. В. Н. Татищев проводит мысль о том, что в истории «не все делается от бога, но многое и от человека» [Татищев В.Н., 1887, 21, с. 55]. Татищев, по аналогии с жизнью человека, делит историю на соответствующие стадии: младенческое состояние, юношеский, мужества, зрелости. По его мнению, общество совершенствовалось по мере изменения духовной компоненты, и период зрелости начинается с момента изобретения книгопечатания. Общественная значимость человека в условиях российской действительности состояла в том, что русское общество к XIX веку стало социоцентричным. Человек в нем поглощен социумом, хотя этого славянофилы, в частности, не признавали, считая, что отношения в общине схожи с хоровым пением, когда каждый член коллектива соединен с остальными силой любви в «свободное и органичное единство». Д. С. Аничков выделил проблему общинного устройства, которая впоследствии стала ведущей темой русской социальной мысли.

Человек, по мнению просветителей, должен рассматриваться вопреки мистико-теистическим доктринам, как специфическая часть природы, подчиняющаяся ее общим законам, в том числе закону механической причинности. Феномен человека понимался ими как сложное целое, при изучении которого необходимо учитывать взаимосвязи его разнородных элементов как между собой, так и, главным образом, между ними и окружающей человека природой.

Позже в 1870-1880-е гг. социологи отводят большое значение личности в истории, которая способна вызвать изменения в обществе. Е.В. де-Роберти, писал, что «Возобновляясь фантастическое число раз на протяжении баснословного ряда веков, опыт человеческого рода проникает, всасывается в каждого из нас до такой степени, что некоторые вытека-

ющие из него элементарные знания, по-видимому, обнаруживают стремление передаваться и упрочиваться путем биологической наследственности. Таким, несомненно, способом понятие о безграничном времени, о бесконечном пространстве и т.д., которые в виду короткой жизни и естественной смерти отдельных лиц, могли образоваться только в обществе – становятся, в конце-концов, как бы формами познания, условиями, подготавливающими, делающими возможным личный опыт» [Де-Роберти, Е.В., 1909, 11, С. 222-223].

Личность, народ единственные активные преобразователи социальных отношений. Классовая борьба и естественный отбор не могут стать основным законом идеального развития общества. Социологи видели в индивидуализации и атомизации условие и основу органической солидарности. Трансформация идет по Э. Дюркгейму в одном направлении: от механической солидарности, т. е. абсолютного психического и социального единства, к органической солидарности, заложенной в общественной дифференциации на основе разделения труда. К.Д. Кавелин писал, что «развитием общества, как и материальных организмов, одинаково и одновременно управляют два закона: во-первых, закон выделения составных частей или единиц из совокупности, в которой они заключались и жизнью которой жили, для особого, самостоятельного существования и, во-вторых, закон сведения составных частей к единству, к общему, совокупному целостному существованию» [Кавелин К., 1876, 14, С. 219]. Такой вывод соответствовал историко-социологическим концепциям и других русских социологов, историков и философов. В историческом развитии общества, как и во всех других явлениях природы, К. Н. Леонтьев выделяет три основных стадии: «первичная простота», многообразное единство – «цветущая сложность» и упрощение – «вторичное смешение». По его мнению, сущность теории русской истории состоит в обнаружении законов, которые определили ее развитие. Историческая социология должна была

определить механизмы выстраивания справедливого единого порядка.

Н.И. Новиков, следуя нормам естественного права, рассуждал о равенстве всех перед богом и целеустремленности каждого к общемировому божественному единству. Единая цель завершает эволюционный исторический процесс. Ранее А.Н. Радищев, С.Е. Десницкий призывали выявлять закономерности в эволюции общественных отношений. Теоретико-социологическое осмысление русского исторического процесса рассматривалось не как извне навязанная интерпретирующая схема, но как отыскание внутренней закономерности саморазвития процесса русской истории, ее внутреннего смысла. «Внутренняя история России, подчеркивал К. Д. Кавелин, не безобразная груда бессмысленных, ничем не связанных фактов. Она, напротив, стройное, органичное, разумное развитие нашей жизни, всегда единой, как всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и после реформы» [Кавелин К.Д., 1999, 15, с. 112].

Н.И. Надеждин, обосновывая принцип историзма, выводит, что преемственность, основанная на изменчивости, есть метод объяснения истории общества. История есть полное, светлое, живое самосозерцание для каждого народа [Надеждин Н., 1837, 18, с. 112]. История понималась им в форме диалектики движения двух «противоположных миров» телесного, внешнего и невещественного, внутреннего, недоступного чувствам. История единый, внутренне связанный процесс превращений, совершающихся диалектически. Н.И. Надеждин и позже народники, и М.А. Бакунин стремились рассмотреть борьбу и примирение противоборствующих начал в развитии всех сфер жизни общества. Ранее А.Н. Радищев увещевал об отсутствии противоположностей в природе, а противоречия характерны воображению человека. А.Н. Радищев доказывал, что мысль, душа и вещественное, материальное неразделимы и сосуществуют параллельно, переплетаясь и равнозначно оказывая влияние на развитие

человека и общества.

П. Я. Чаадаев в своей философии истории ставит задачу найти новые способы осмысления социальных фактов, исходя из единства истории человечества и ее законосообразности. Главными науками об обществе Чаадаев считал историю и философию истории. Последняя равнозначна социологии как по содержанию, так и по задачам. Философия истории П. Я. Чаадаева содержит и «социальную динамику», и «социальную статику», совпадающие по предмету и по объему проблем в более поздних направлениях социологии. П. Я. Чаадаев своим знаменитым философическим письмом, опубликованным в 1836 г., показал историко-социологическое осмысление прошлого и настоящего России.

Идеи Чаадаева нашли продолжение в сформировавшихся в 40-е годы XIX века направлений западничества и славянофильства. Их объединяла любовь к родине, искреннее желание эффективно спроектировать будущее развитие общества на основе особенности социальной истории российского общества. Славянофилы и западники были обеспокоены исторической судьбой России, прогрессивным развитием российского общества. Славянофилы не исключали необходимость распространения либерализма в России, свободы и прав человека. Западники не отрицали национальной самобытности России. Западники и славянофилы пытались определить положение России в мировой истории.

Западник Т. Н. Грановский ввел разграничения понятий «всемирная история», «всеобщая история» и «философия истории». «Всеобщая история, по Грановскому, не только наука прошедшего, поскольку в настоящем видит результаты совершившихся событий и на этой основе определяет общие закономерности их развития в будущем. При этом она учитывает возможности временных сдвигов: то, что для одного народа является прошлым, то другому еще предстоит совершить, критически оценивая опыт предшественников,

в результате чего и возможен исторический прогресс» [Грановский Т. Н., 1986, 6, с. 125]. Грановский обозначает теоретико-методологическое видение развития исторического процесса, что напрямую, учитывая социально-временные характеристики становления общества, сопрягается с исторической социологией.

Исследователь прогнозировал создание точной системы исторического знания, опирающегося на новые методологические начала, подобные тем, которые обеспечивали успех естественных наук. Для истории в естествознании он находил более «точный метод» исследования, например, строгой доказательности выводов, освобождающих мышление от надуманных концепций. Грановский обратился к трудам А. Кетле – основоположника современной статистики, который одним из первых пытался применить при изучении общественных явлений приемы точного исследования, используемые в естественных науках. Однако в его оценках исторического процесса присутствовала двойственность, которая заключалась в попытке примирить позитивистские ориентации в анализе исторического процесса с философско-исторической схемой гегельянства. Причина этой двойственности понимание Грановским того, что человеческую историю, в силу наличия нравственных оценок в поведении человека, нельзя свести к чисто естественнонаучным трактовкам их действий [Грановский Т. Н., 1986, 7, с. 130].

А. И. Герцен, характеризуя взгляды Грановского, писал, что всякое историческое исследование должно исходить из фактов, обобщать их, находить проявление всемирного духа, то есть идею, движущую массами, вызывающую столкновение классов, народов, религиозные раздоры. С этих позиций Грановский высказывался против предвзятых исторических доктрин, против субъективизма, видевшего смысл истории в проявлении воли и действий выдающихся лиц. А. И. Герцен отдавал дань строгой рациональности естественнонаучного знания, которая стала для него объясни-

тельным принципом и дисциплинирующим фактором в изучении специфики исторических закономерностей. При этом Герцену был чужд редукционизм позитивистского толка, то есть сведение закономерностей истории к закономерностям естествознания.

Либерально-западническое направление историко-социологической мысли стремилось понять историю как развивающийся процесс смены политико-юридических форм, в котором государство выступает субъектом исторического действия, но и роли личности в истории отводилось место. Либерально-западническое направление русской социальной мысли (С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, В. О. Ключевский, А. Д. Градовский, К. Д. Кавелин и др.) старалось сгладить крайности оценок исторического пути России «ранними славянофилами» и ортодоксальными западниками. «Наше движение историческое совершенно обратное с европейским, писал К. Д. Кавелин, последнее началось с блистательного развития индивидуального начала, которое более и более вставлялось, вдвигалось в условия государственного быта; у нас история началась с совершенного отсутствия личного начала, которое мало-помалу пробудилось и под влиянием европейской цивилизации начало развиваться. Конечно, должно наступить рано или поздно время, когда оба развития пересекутся в одной точке и тем выровняются. Но теперь это глубокое различие задатков развития, общих предположений, есть одна из главнейших причин, что мы друг друга мало понимаем» [Кавелин К.Д., 1989, 16, с. 168].

А. Хомяков в «Записках о всемирной истории» («Семирамида») пытался сделать целостный анализ всемирной истории, определить ее смысл и направление. Религиозным духом пронизана центральная мысль его концепции о проблеме коренного различия исторических путей России и Запада, доказательству самобытной исключительности русского народа в сравнении с Европой, когда русское православие объявляется истинным

христианством, а католицизм искажил учение Христа. Его взгляд на общество не ограничивался рассмотрением современного состояния социальной жизни. Вес аналитического материала, по его мнению, более значим, если исследуемый материал рассматривается в контексте всей истории и выводится из нее. Хомяков полагал, что чем древнее факт, тем он достовернее и убедительнее. Социологические взгляды Хомякова на исторический процесс следует считать комбинацией теологического и светского понимания истории, заключающегося в синтезе религиозной веры народа и органического (природного) начала, исходя из диалектики Г. Гегеля.

К. Аксаков движущей основой исторического процесса считает духовное начало. «Страшная игра материальных сил», поражающая в истории с первого взгляда, всего лишь «призрак», видимость. Но внимательный взор ученых уже открыл ту силу, которая «всюду присутствует» и «движет всем». Это мысль. Она «медленно свершает ход свой и, меняя свой образ по своему подобию», пересоздает весь социальный строй, формируя человеческую психологию, формы убеждений и верований [Аксаков К.С., 2000, 1, с. 30]. Придерживаясь методологии гегельянства, движущей основой исторического прогресса К. Аксаков считал духовное начало. В истории религиозной и нравственной факторы эти являются главными, непосредственно определяющими общественную, политическую и духовную жизнь. Отсюда же он выводит конечную цель истории — реализацию учения Христа, построение царства Божьего на земле. Богословский элемент в его сочинениях сосуществует с признанием исторической закономерности и с пониманием истории как естественнонаучного процесса. Помимо исторической закономерности К. Аксаков пользуется в своей социологии категориями исторического и логического, случайного и необходимого, признает борьбу в качестве формы разрешения противоречий, идеалистически ставит проблему духовного и материального.

Центральное место в социологии К. Аксакова занимает теория «Государства и Земли». В этой теории все построено на противопоставлении государства и общины, закона и внутренней свободы человека, государственного насилия и нравственного долга, когда община, будучи органичным образованием, противостоит государству в качестве искусственного механизма. Разделение «земли» и государства, возведенное в ранг социального закона, рассматривается К. Аксаковым как главное свидетельство в пользу исключительности истории России.

Славянофилы противопоставляют историю «духовной жизни» истории форм, «историю как выражения идеи общей истины» и «народного начала» истории как «преемству исторических явлений». Высказываемая дихотомия показывает оппозицию внутренних форм моральных установок православно-русской ментальности проявлениям европейского приоритета внешних форм социальности. «Преимущество важное для истории, которая должна брать из них свои первые материалы; черта замечательная в характере народа, который, с того мгновения как начал себя чувствовать, постигал всегда свое независимое, отдельное назначение, свою недоступность для чуждых влияний. Это впоследствии сгладилось стечением обстоятельств, и уступило место подражанию, которого печать глубоко оттиснулась на новейшем ходе вашей истории. Но дитя предвозвещает мужа. И наши летописи, эти первые, безискусственные отголоски народного самоощущения, будут служить нам живым укором, если мы станем создавать Русскую историю по чужим образцам, если будем смотреть сами на себя сквозь стекло, оцветленное иноземным толком», писал Надеждин. В последующем уже в современный период А. Ахиезер разработал концепцию прозападно-пророссийского циклизма в истории отечества. А. Ахиезер рассчитал периодичность циклов исторических поворотов то к Западу, то к самобытной социальной организации [Ядов В., 2009, 25, 400с.].

Почвенники и народники сформируют в 1860-е гг. народническую, евразийскую концепцию развития России, которая разрешила спорные дискуссионные вопросы славянофилов и западников. «Есть народы, жившие жизнью доисторической; но раз вступившие в широкий поток единой и нераздельной истории, они принадлежат человечеству, и, с другой стороны, им принадлежит все прошлое человечества. ...То, что не очеловечилось, не может вступить в историю; поэтому нет народа, взошедшего в историю, которого можно было бы считать стадом животных, как нет народа, заслуживающего именоваться сонмом избранных» [Герцен А.И., 2010, 3, 776 с.]. Изучив социальную историю общества, из которой и вырастают политические учреждения и социальные организации, социологи предсказывали будущее развитие общества. Мораль и нравственность как главные социальные категории были сформулированы в социологии народниками, что стало основой для разработки в 1920-е гг. А.В. Чаяновым термина «моральная экономика».

Почвенническая, народническая социальная концепция развития общества в отличие от западноевропейской модели социальных изменений аполитична. Народ России далек от политики, поэтому только неограниченная власть монарха способна направлять развитие общества, олицетворяя целеустремленность и завершенность общественного развития. Земский собор должен быть созван, но на современном этапе для этого нет возможности, так как сословия представляют собой разобщенные группы. Общую волю может выразить община, «жизненный мир», став альтернативой бюрократическому государству. Община представляет общее дело, способствуя активному участию граждан в жизни общества. Общинный принцип взаимопомощи и коммунальная социальная работа, ведут к разрешению социальных проблем и прогрессивным социальным изменениям.

Народники попытались разрешить сложившееся противоречие, представляя исто-

рический процесс протекающим стихийно, естественно, произвольно, свободно. «До сих пор ещё считается позволительным навязывать историческому движению чуждые ему цели, цели самих исследователей и наблюдателей. Каждый историк и ещё более философ или претендующий быть таковым считает себя вправе мерить это движение на свой собственный (и почти всегда фальшивый) аршин и видеть в нем все, что ему вздумается. ...В последнее время теория кругового исторического движения находит мало приверженцев, большинство современных умов согласилось признавать историческое движение непрерывно продолжающимся и никогда не повторяющимся», пишет П.Н. Ткачев [Ткачев П.Н., 1990, 24, с. 58, 63, 68]. П.Л. Лавров так же пришел к выводу, что в истории явления не повторяются. Преемственность воспроизводит из поколения в поколение пороки общества, тогда как последовательные социальные изменения должны привести к справедливому мироустройству.

Историческая социология, заявляя себя не как теория среднего уровня, а как общесоциологическое знание, позволяет выявить законы социального развития, предполагающие создание эффективных социальных проектов общественных трансформаций. Историческая социология не выдвигала в качестве самостоятельной проблемы воспроизведения неповторимости как специфики исторической науки, но отдельные представления в системе взглядов мыслителей содержали в себе идеи, из которых, по сути дела, вытекала как следствие мысль о неповторимости социального процесса, а именно: фактическое отрицание законосообразности истории, с одной стороны, а с другой признание волевого начала в качестве определяющего в общественном процессе. Исследование в исторической социологии соотношения материального и идеального, государственного, общественного и индивидуального, органического и неорганического раскрывает оптимальный вариант развития российского общества в поиске

«третьего пути» развития нашего отечества, исправляющего «перекося» прошлого перио-

да и «звериный оскал» либерал-капиталистического свойства настоящего времени.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Записка «О внутреннем состоянии России», представленная Государю Императору Александру II // Русская философия истории. М.: Аспект-Пресс, 2000. с. 30.
2. Герцен А.И. Собр. Соч.: в 30 т. М: Наука, 1954. Т.2. с. 33.
3. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен, А.И. Избранные труды /А.И. Герцен; [сост., автор вступ. ст., коммент. В.К. Кантор]. М.:Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 776 с.
4. Герцен А. И. Собр. Соч.: в 30 т. М: Наука, 1954. Т.2. с. 32.
5. Голосенко И. А. Несколько слов о книге Н. Новикова «Социология в России» // Российская социология. СПб.: Онега, 1990. С. 21.
6. Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1986. с. 125
7. Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1986. с. 130.
8. Де-Роберти Е. В. Новая постановка основных вопросов социологии. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1909. 291 с.
9. Де-Роберти Е. В. Новая постановка основных вопросов социологии. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1909. с. 98.
10. Де-Роберти Е. В. Новая постановка основных вопросов социологии. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1909. с. 98.
11. Де-Роберти Е. В. Новая постановка основных вопросов социологии. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1909. с. 222-223.
12. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XIX в. Т. I. М.: Наук, 1952. с. 271.
13. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Русская философия истории. М.: Аспект-Пресс, 1999. С. 69-112.
14. Кавелин К. Общинное владение // Неделя. 1876. № 6-7. С. 219.
15. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Русская философия истории. М.: Аспект-Пресс, 1999. С. 69-112.
16. Кавелин К. Д. Краткий взгляд на русскую историю // Наш умственный строй: статьи по русской философии, русской истории и культуре. М.: Правда, 1989. С. 168.

Refereces

1. Aksakov K.S. A note «About internal state of Russia», the presented to the Sovereign Emperor Alexander II// Russian philosophy of history. M.: Aspekt-Press, 2000. page 30.
2. Herzen A.I. About development of revolutionary ideas in Russia//Herzen, A.I. Chosen works / A.I. Herzen; [сост., автор вступ. Art., comment. V. K. Kantor]. M.:rossiysky political encyclopedia (ROSSPEN), 2010. 776 pages.
3. Herzen A.I. Sobr. Соч.: in 30 t. M: Science, 1954. Т.2. page 33.
4. Herzen A.I. Sobr. Соч.: in 30 t. M: Science, 1954. Т.2. page 32.
5. Golosenko I.A. Several words about N. Novikov's books «Sociology in Russia»//the Russian sociology. SPb.: Onega, 1990. page 21.
6. Granovsky T. N. Lectures on Middle Ages history. M.: Science, 1986. page 125.
7. Granovsky T. N. Lectures on Middle Ages history. M.: Science, 1986. page 130.
8. De-Roberti Ie. V. New statement of the main questions of sociology. M.: Printing house of t-va of I.D. Sytin, 1909. 291 pages.
9. De-Roberti Ie. V. New statement of the main questions of sociology. M.: Printing house of t-va of I.D. Sytin, 1909. page 98.
10. De-Roberti Ie. V. New statement of the main questions of sociology. M.: Printing house of t-va of I.D. Sytin, 1909. page 98.
11. De-Roberti Ie. V. New statement of the main questions of sociology. M.: Printing house of t-va of I.D. Sytin, 1909. page 222-223.
12. Chosen works of the Russian thinkers of the second half of the 19th century. T. I. M.: Sciences, 1952. page 271.
13. Kavelin K.D. View of legal life of ancient Russia//Russian philosophy of history. M.: Aspekt-Press, 1999. page 69-112.
14. Kavelin K. Communal possession//Week. 1876. No. 6-7. page 219.
15. Kavelin K.D. View of legal life of ancient Russia// Russian philosophy of history. M.: Aspekt-Press, 1999. page 69-112.
16. Kavelin K.D Short view of the Russian history//our intellectual system: articles on the Russian philosophy, the Russian history and culture. M.: However, 1989. page 168.
17. Korshunov A.M. Dialektik's kites of social knowledge. M.: Politizdat, 1988. page 629, 633.

17. *Коршунов А. М.* Диалектика социального познания. М.: Политиздат, 1988. с. 629, 633.
18. *Надеждин Н.* Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. 1837. т. 20. с. 112.
19. *Радлов Э. Л.* Очерки истории русской философии / Э.Л. Радлов, А.И. Введенский, А.Ф. Лосев, Г.Г. Шпет. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. с. 396.
20. *Серно-Соловьевич Н. А.* Не требует ли нынешнее состояние знаний новой науки // Русская философия второй половины XIX в. Ч. 1. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. С. 188.
21. *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. М.: Б.и., 1887. С. 55.
22. *Теплов Г. Н.* Знания. Касающиеся вообще до философии // Общественная мысль России XVIII века: В 2-х т. Т.2: *Philosophia moralis* / [сост., автор вступ. Ст. и коммент. Т.В. Артемьева]. М.: Российская политическая энциклопедия РОССПЭН, 2010 г. С. 83. С. 98.
23. *Ткачев П. Н.* Что такое партия прогресса? // Ткачев П. Н. Кладези мудрости российских философов. М.: Изд-во "Правда", 1990. с. 58, 63, 68.
24. *Ткачев П. Н.* Что такое партия прогресса? // Ткачев П. Н. Кладези мудрости российских философов. М.: Изд-во "Правда", 1990. с. 58, 63, 68.
25. *Ядов В.* Александр Ахиезер – скромный мыслитель // В поисках теории российской цивилизации: памяти А.С. Ахиезера. М.: Новый хронограф, 2009. 400с.
18. *Nadezhdin N.* About historical works in Russia//Biblioteka for reading. 1837. t. 20. page 112.
19. *Radlov E.L.* Sketches of history of the Russian philosophy / E.L. Radlov, A.I. Vvedensky, A.F. Losev, G.G. Shpet. Sverdlovsk: Publishing house Ural un-that, 1991. page 396.
20. *Sulphur-Solovyevich N. A.* Whether demands a present condition of knowledge of new science//the Russian philosophy of the second half of the 19th century. P.1. Sverdlovsk: Publishing house Ural un-that, 1991. Page 188.
21. *Tatishchev V. N.* Conversation on advantage of sciences and schools. M.: B. and., 1887. page 55.
22. *Teplov G. N.* Knowledge. Concerning in general to philosophy//Social thought of Russia of the XVIII century: In 2 t. T.2: *Philosophia moralis* / [сост., author вступ. Art. and comment. T.V. Artemyeva]. M.: Russian political encyclopedia of ROSSPEN, 2010. page 83.
23. *Tkachyov P. N.* What is the Party of Progress?//Tkachyov, P. N. Wells of wisdom of the Russian philosophers. M.: Pravda publishing house, 1990. page 58, 63, 68.
24. *Tkachyov P. N.* What is the Party of Progress?//Tkachyov, P. N. Wells of wisdom of the Russian philosophers. M.: Pravda publishing house, 1990. pages 58, 63, 68.
25. *Iadov B.* Alexander Akhiezer is a modest thinker// in search of the theory of the Russian civilization: A.S. Akhiezer's memories. M.: New chronograph, 2009. 400 pages.